

В. В. СТАСОВ

**ИЗБРАННЫЕ
СОЧИНЕНИЯ**

3

ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. В. Стасов. Избранные сочинения в трех томах. Живопись, скульптура, музыка. Том третий // Государственное издательство "Искусство", Москва, 1952

FB2: "rvvg ", 27 November 2013, version 1.0

UUID: 041C5088-4E50-4F04-BE0F-20C352BC342C

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Владимир Васильевич Стасов

Нужно ли образование художнику

(Художественная критика)



историк искусства и литературы, музыкальный и художественный критик и археолог.

Содержание

#1	0005
КОММЕНТАРИИ	0020

В. В. Стасов
Нужно ли образование
художнику

В статье, напечатанной несколько дней тому назад, г. Кравченко взял себе задачей доказать, что «отсутствие образования в той или иной казенной форме нисколько не помешало очень многим из художников наших стать первоклассными художниками», а также, что «для создания хорошего художника, для его полного развития или, по крайней мере, для того, чтобы он мог свободно развить свой артистический талант, нет уже такой необходимости в образовании в размере курса реального училища».

Как эти результаты размышлений г. Кравченко, так и доводы, которыми он пробует доказать эти свои размышления, кажутся мне такими фальшивыми, что я считаю необходимым представить на них свои замечания.

Развернув книгу г. Булгакова «Наши художники» и слегка пошаривши в ней, г. Кравченко объявляет, что Айвазовский, Антокольский, Крамской, Репин, Перов, В. Маковский получили, в своей молодости, очень малое образование или почти даже никакого, но это не помешало им стать очень значительными художниками.

Я ничего худого не могу сказать против книги г. Булгакова; автор составлял ее старательно, очень часто на основании показаний самих художников, но там высказано далеко не все, что нужно иметь в виду при решении тезиса г. Кравченки, и никто не мешал ему пользоваться разными другими материалами, давно напечатанными и, значит, всем доступными.

Высоко, повидимому, уважая и ценя Крамского, г. Кравченко объявляет, что он «оставил после своей смерти свою переписку, которая, вместе с несколькими статьями, составляет в настоящее время настольную книгу русского художника и которая в то же время свидетельствует о нем, как о величайшем русском художественном критике...» Дай бог, чтобы так было — насчет настольности книги Крамского. Крамской был такой высокий художник, такой высокий, светлый ум, такой в продолжение всей своей жизни руководитель и воспитатель, а вместе и трибун современного ему художественного поколения, что ему принадлежит всякая честь и слава, навеки нерушимая, а его писаниям — неиссякае-

мая благодарность и удивление как нынешних, так и всех будущих наших художников и публик. Но книга его, к сожалению, вовсе не достигла до сих пор всей подобающей ей чести и вовсе не составляет еще настольной книги русского художника. По крайней мере, для г. Кравченки. Он, повидимому, ничего из нее не знает, кроме заглавия, он ее, должно быть, даже вовсе не читал порядком.

Г-н Кравченко уверяет, что Крамской, учившийся только в острогожском уездном училище (Воронежской губернии) и не кончивший там курса, «даже и не помышлял о гимназии». Тут целых две неправды. Во-первых, в своей автобиографии Крамской именно говорит, что курс в острогожском уездном училище «кончил с разными отличиями, похвальными листами, с отметками „5“ по всем предметам, первым учеником, как свидетельствует и аттестат мой», а во-вторых, что гимназия для Крамского составляла нечто совсем другое, чем говорит г. Кравченко. Этот последний уверяет: «Крамской даже и не помышлял о гимназии». Как так не помышлял? Напротив, очень и очень помышлял и выразил это

много раз. В первый раз, в той же своей автобиографии: «Мне было тогда всего двенадцать лет, и мать моя оставила меня еще на один год в старшем классе, так как я был слишком мал. На следующий год мне выдали тот же аттестат, с теми же отметками, только с переменной года. Не имея средств перевести меня в воронежскую гимназию, куда мне очень хотелось, я остался в родном городе».

Вот как Крамской «даже и не помышлял о гимназии».

Впоследствии он отзывался о гимназическом (т. е. среднем) образовании — как о чем-то необходимом для нашего художника, и, набрасывая план будущего воспитания его, говорил в одном месте: «Прогресс нашего времени в том, что мы можем с большим удобством и пользой разделить развитие художника на два больших периода: первоначальный — рисовальная школа, и окончательный — мастерские художников... В рисовальной школе ученики знают анатомию, по крайней мере должны знать. При каждой школе должны быть библиотеки по истории искусств. Окончивший гимназический курс и

студент университета, к концу своих научных занятий, будут обладать знанием рисунка и живописи настолько, что будут понимать, о чем будет идти речь в мастерской избранного профессора...» В другом месте: «Рисование и живопись — предмет столь серьезный, что он требует известной умственной зрелости для того, чтобы занятие не было скучным — предполагая, что рядом с гимназиями и университетами везде есть правильно организованные рисовальные школы с натурными классами, в которых занятия могут быть распределены в другие часы и главным образом вечером. Молодой человек последних классов гимназии будет настолько рисовать, что ему очень немного останется дополнить элементарных познаний техники, и прямо в состоянии перейти в мастерскую „профессора“ для окончательного формирования из себя художника...» Наконец, в третьем еще месте Крамской говорит: «Чтобы стать художником, мало одного таланта, мало ума, общего образования и развития, мало счастливых материальных условий: необходим еще темперамент...» и т. д.

Вот как Крамской думал об общем образовании, вот какое он ему придавал значение, вот каким необходимым, неперемнным, неизбежным условием считал он его для того, чтобы создался художник. Крамской еще не думал, как игнорирующий его г. Кравченко, что отсутствие образования не мешает стать первоклассным художником. Правда, г. Кравченко заявляет в своей статье: «Я вовсе не хочу сказать, что образование, знания художнику, как и артисту, не нужны — ничего подобного! Я говорю только, что если у мало-мальски способного человека нет образования в размере гимназического курса, то по одному этому ему нельзя еще загоразивать дорогу и не пускать в храм свободных художеств». Это преудивительно: «Не хочу сказать», а сам в продолжение всей статьи только о том и говорит, что «отсутствие образования у художника не мешает ничему». Это только притворная ширма.

Крамской, так хорошо известный г. Кравченко, говорил без всяких ширм и притворства, без всяких приседаний, совсем другое. Вон он чему учил Репина, еще начинающего

юношу. Послушаемте рассказ этого последнего.

«Я разговорился однажды с членом Художественной артели Ж. о роковом для меня вопросе, о необходимости хорошего общею образования для художника. — А как вы об этом думаете? — спросил я его. — Это пустяки, — сказал он. — Серьезного значения я этому не придаю. Конечно, хорошо, если кому удалось раньше пройти гимназию, а не удалось — тужить особенно не о чем. Читайте в свободное время; сходите со знающими людьми; исподволь и наверстаете. Всего знать нельзя. И ученые-то нынче, по иному вопросу, вас пошлют к специалисту. По истории, если что понадобится, можно расспросить знающих, прочитать. Сколько есть полных сочинений. А то, что ж вы теперь, горячее-то время самое, когда формируется художник, будете тратить на науки. Легко сказать! С чего вы теперь начнете? Да и есть ли у вас средства выдержать целый курс, что ли? А главное, я решительно не понимаю, зачем это вам? Разве в картине так сейчас и видно, каким предметам учился художник и что он знает? Если не умеет на-

рисовать голову или торса, так никакая тригонометрия ему не поможет. Тут своя наука. Да ведь вы, кажется, по новому уставу. Ведь вас там и так теперь всему учат. Ученики все жалуются: за лекциями да за репетициями, говорят, этюдов писать некогда. Рисовать совсем разучились. А в искусстве все-таки прежде всего техника. Как пишет плохо, так будь он хоть семи пядей во лбу, — никому не нужен... Эх-ма, вот у нас, русских, всегда так: дал ему бог талант к живописи, а он в астрономы норовит, и нигде ни до чего не дойдет. Знаете пословицу: за двумя зайцами гоняться... Я ничего не говорю против того, чтобы знать анатомию, перспективу, теорию теней, а прочее... А вот, кажется, и Крамской пришел, поговорите, да и он вам то же скажет. Ведь все мы сами кое до чего добирались, собственным умом доходили!!!

Любопытно вспомнить, что почти в то же самое время, тоже в начале 60-х годов, подобные же невежественные вещи высказывал в печати ректор Академии художеств проф. Бруни, и я должен был опровергать его печатно же.

Все это говорилось лет тридцать пять тому назад, а ведь точь-в-точь то же говорится иногда и теперь. Время-то летит быстро, но гнилятина мысли во многом остается все прежняя!

Но Репин не принадлежал к числу тех, кто был тогда гнил. Он уже начинал просветляться, думать иначе, чем артельщик Ж. и ему подобные (оттого, верно, и стал впоследствии тем, чем мы знаем). Он думал, что надо быть наперед «человеком», настоящим светлым человеком, а уже потом — художником. «Я пошел к Крамскому, — говорит он, — в его кабинет, и там очень серьезно, как умел, изложил перед ним свое намерение года на три, на четыре совсем почти оставить искусство и заняться исключительно научным образованием. Он серьезно удивился, серьезно обрадовался и сказал очень серьезно: „Если вы это сделаете и выдержите ваше намерение, как следует, вы поступите очень умно и совершенно правильно. Образование — великое дело! Знание — страшная сила. Оно только и освещает всю нашу жизнь и всему дает значение. Конечно, только науки и двигают людей. Для меня так ничего нет выше науки; ни-

что так, кто же этого не знает, не возвышает человека, как образование. Если вы хотите служить обществу, вы должны знать и понимать его, во всех его интересах, во всех проявлениях; а для этого вы должны быть самым, образованным человеком. Ведь художник есть критик общественных явлений: какую бы картину он ни, представил, в ней ясно выразятся его мирозерцание, его симпатии, антипатии и, главное, та неуловимая идея, которая будет освещать его картину... Картина Худякова „Игра в кегли“ (присланная из Рима и выставленная тогда в Академии) — написана она хорошо, нарисована тоже недурно; но ведь это скука, это художественный идиотизм... Ах, как я жалею своей юности! Вот вы-то еще молоды, а я, — продолжал он, с глубокой жалостью, помолчав немного, — вы не можете представить, с какой завистью я смотрю на всех студентов и всех ученых — не воротишь... Да, образование, образование! Особенно теперь нужно художнику образование...“

Из автобиографии Антокольского мы точно так же знаем, как он, выросши в настояще-

го и крупного художника, с сожалением вспоминал о недостаточности полученного им в юности образования, видим, с какой жадностью он хватался за те скудные крохи образования, которые мог ему давать тогда приятель его, высокообразованный Мстислав Пraphов, и как они оба, Репин и Антокольский, употребляли все усилия, чтобы наверстать то, что не было получено ими в свое время и что теперь доставалось им с таким трудом. Они оба сильно жаловались на то, что „не стоят на твердой почве“. „Мы бросились, — говорит он, — искать знания, сами не зная, где его найти; искали в книгах, читали все, что только тогда появлялось в переводе на русский язык, читали без роздыха и без системы...“ Крамской подарил тогда же Антокольскому свою фотографию с надписью: „Бойцу идей“:

Так было тогда и с другими — я легко мог бы представить тому доказательства.

Всем этим людям, будущим великолепным художникам, и в голову не могло притти, что „для создания хорошего художника, для его полного развития, нет уж такой необходимости в образовании в размере курса реального

училища“. Им не могло и в голову притти то, что пришло в голову г. Кравченке: что „любовь к искусству превращается в страсть, которая мешает регулярным научным занятиям“. Они искали, они желали, они страстно добивались чего-то в десять раз больше, чем курсы реального училища, и тяготы в том не находили.

Не довольствуясь русскими примерами, непонятыми и истолкованными навыворот, г. Кравченко вздумал взять себе на подмогу и примеры из Западной Европы. На всякий случай он говорит: „А как развился величайший художник нашего столетия, Мейсонье, успехи которого по наукам были так слабы, что отец отдал его в услужение к такому же купцу, как он сам, у которого М. должен был подметать лавку?“ На это отвечаю, во-первых, что очень сожалею, если не только Мейсонье, но кто бы то ни было принужден был играть не соответствующую ему по натуре роль; во-вторых, очень жалею, если у Мейсонье было слишком мало способности к образованию; в-третьих, что эта малая способность прискорбно и отозвалась на художественной деятельности

Мейсонье, не взирая на весь его талант. Против направления художественного творчества Мейсонье немало было писано западными критиками, в том числе и французскими. Но я не приведу их здесь, в настоящую минуту, а сошлюсь опять-таки на Крамского, которого (и совершенно справедливо) называет величайшим русским художественным критиком сам же г. Кравченко. Крамской писал мне в 1884 году, из Парижа, отдавая мне отчет о посмертной выставке Мейсонье: „Обозревая деятельность, столь продолжительную и уже законченную, полезно дать себе отчет, что это за сила, какая его отличительная черта и, вообще, чему он научает? Сила его — терпение, но, конечно, не в простом и примитивном смысле усидчивости, а терпение человека очень умного, наблюдательного и не лишённого способности к форме, но человека в то же время совершенно обездоленного природою в смысле изобретательности и фантазии; словом, человека, лишённого таланта высшего творческого порядка. И вот при таких-то данных возможно занять самое передовое место в искусстве! Это ли не поучитель-

но!/? Правда, для этого необходимо равнодушие к сменяющимся движениям политической, общественной и религиозной жизни общества, полная индифферентность к окружающему. И только при таких условиях человек может сосредоточиться и сделать своим главным интересом складку шелковой материи, арматуру, шкафы и т. д. Но все же то, что у него изображено, изображено и умно, и интересно, а главное — с бесконечным уважением к натуре...“

При таком характере таланта и природы навряд ли образование нужно и многое может сделать. Или, точнее сказать, талант Мейсоные собственно и остановился еще на ступени искусства, сравнительно говоря, очень неважной и незначительной (по содержанию) оттого, что натура этого художника была такова, что была неспособна к образованию.

Кажется, и этого мнения Крамского вовсе еще не знал столько „уважающий“ его г. Кравченко.

Впрочем, знал или не знал, а, во всяком случае, статья г. Кравченки кажется мне явля-

нием очень печальным. Она вся не что иное,
как проповедь художественного невежества.
Да ведь его у нас и так довольно!

1897

КОММЕНТАРИИ

«НУЖНО ЛИ ОБРАЗОВАНИЕ ХУДОЖНИКУ». Статья была опубликована в «Новостях и биржевой газете» в 1897 году (23 сентября, № 262).

Статья является ответом на статью Н. Кравченко, сотрудника реакционера Суворина, помещенную в газете «Новое время» (1897, 16 сентября, № 7742) под заглавием «Временный устав Академии художеств». В указанной статье Кравченко выступил против установленного Академией требования обязательного образовательного ценза для художников. В понимании нововременца Кравченко, для того, чтобы быть художником или как он изъяснялся, «чтобы войти в храм свободных художеств», совершенно необязательно иметь хорошее общее образование. Стасов дает резкую отповедь Кравченко, в представлении которого «храм свободных художеств» выглядит скорее как мастерская по фабрикации безидейных безделушек, блестящей формы без содержания.

Исходя из лучших традиций революционных демократов 60-х годов, Чернышевского и Добролюбова, первым требованием которых к писателю, критику, поэту, художнику было — быть гражданином, глубоко, широко и правильно понимающим общественные задачи своего времени, вдохновители передвижничества призывали членов Товарищества следовать этим заветам.....Мне кажется справедливым, — писал

Крамской Стасову в 1876 году, — чтобы художник был одним из наиболее образованных и развитых людей своего времени. Он обязан не только знать, на какой точке стоит теперь развитие, но и иметь мнения по всем вопросам, волнующим лучших представителей общества, мнения, идущие дальше и глубже тех, что господствуют в данный момент, да вдобавок иметь определенные симпатии и антипатии к разным категориям жизненных явлений (I, 73). Только в этом случае художник сумеет правильно выбрать тему, правильно решить ее и достойно ответить на требования народа. Репин вспоминал, что Крамской учил: «Если вы хотите слу-

жить обществу, вы должны знать и понимать его во всех его интересах, во всех его проявлениях, а для этого вы должны быть самым образованным человеком. Ведь, художник есть критик общественных явлений: какую бы картину он ни представил, в ней ясно отразится его миросозерцание, его симпатии, антипатии и, главное, — та неуловимая идея, которая будет освещать его картину» (И. Е. Репин. «Далекое — близкое», «Искусство», 1937, стр. 218).

Комментируемая статья Стасова вызвала новое выступление Кравченко, на которое Стасов ответил статьей «Еще раз по поводу г. Кравченко» («Новости и биржевая газета», 1897, 7 октября, № 276). «Кравченко, — писал он, — было бы лучше держать свои размышления про себя и для себя и не распространять в печати своего призыва молодых художников к умственной лени и забвению своих великих интеллектуальных обязанностей. Без их исполнения художник и его творения все равно что ничто. В лучшем разе он будет пустопорожний виртуоз. А таких — нынче не надо».